

МОЖЕТ БЫТЬ, НУЖНО ЧТО-ТО МЕНЯТЬ В ЭТОЙ КОНСЕРВАТОРИИ?

Рек Москва. — 1993. — В 9-м кн.

МЕЛОМАНЫ, не падайте, пожалуйста, в обморок! Речь идет вовсе не о перестройке или реконструкции известного здания на улице Герцена, а о цитате из монолога Михаила Жванецкого, пересказанного, к тому же по памяти, своими словами. Помните, в годы застоя, когда Михаил Михайлович позволял себе говорить с эстрады о том, о чем другие боялись даже подумать, он поведал как-то о целом выпуске вундеркиндов, которые, начав было блестяще, затем почему-то оканчивали свою музыкальную карьеру исключительно в исправительно-трудовых коллективах.

— Может быть, нужно что-то менять в этой консерватории? — настойчиво из вечера в вечер в разных залах не уставал переспрашивать Жванецкий задолго до того, как мир впервые услышал из уст его знаменитого тезки такое известное теперь повсюду русское слово «перестройка».

ТЕАТР на Таганке, получивший в свое время мировое признание, в нынешнем сезоне завел новшество, которое, уверен, принесет ему дополнительную известность. В гардеробе для зрителей официально сообщается, что меховые головные уборы на хранение не принимаются. Хочешь — приходи зимой без шапки. Не хочешь — иди с ней в зал. А если боишься ее там потерять, самое милое дело вообще не снимать шапку с головы, как Махмуд Эсамбаев, например. Он и летом с ней не расстаётся: очень красивая папах! Правда, не совсем ясно, что смогут увидеть те, кто будет сидеть сзади тебя. Но это уже, как говорится, их проблемы...

БОЛЬШЕ года тому назад приказал долго жить еженедельник «Театральная Москва». Под разными названиями это издание просуществовало почти сто лет, составив многотомную летопись театральной жизни столицы. Любый заинтересованный читатель с помощью пожелтевших от времени страниц может установить точно, какой спектакль, в какой день, в каком составе шел на любой московской сцене. Здесь же публиковалась разнообразная информация о театре, и все это сохранялось, повторяю, на протяжении века. Даже война не помешала существованию такого полезного издания, разве что приостановила его выпуск на какое-то время.

Зато сегодня, когда театры больше чем когда-либо испытывают нужду во внимании, когда газеты берут с них огромные деньги за самую скромную рекламу, точнее такие же, как и с тех, кто предлагает интимные услуги или эротический массаж, «Театральная Москва», увы, больше не в состоянии выполнять свою посредническую миссию между зрителями и служителями Мельпомены, не говоря уже об истории.

СЕГОДНЯ повсюду продают все что угодно, отдавая предпочтение предметам второй и третьей необходимости. Когда это происходит на улице, в переходе метро, на площади — еще куда ни шло. Но в театре? Разве это место для торжища? Благо бы продавали литературу об искусстве, а то ведь предлагают тот же самый товар, что и на Арбате: сувениры на темы советской символики, бюсты бывших и нынешних вождей и тут же надежное средство против СПИДа, трикотажные изделия, обувь, галантерея, жвачка. И уж совершенно непонятно, кто при ком существует — искусство при торговле или торговля при искусстве?

Сторонники соединения интересов Гермеса и Мельпомены ссылаются на то, что и на Западе, и на Востоке театры и концертные залы давно уже мирно сосуществуют под одной крышей с супермаркетами. И все же никто, кроме нас, до сих пор не догадался до такой степени приблизить их друг к другу, чтобы в антракте невозможно было не почувствовать себя на толкучке. Театр — ведь это Храм, а не торжище.

НЕДАВНО мне довелось побывать на дипломном спектакле в Российской академии театрального искусства — в девичестве ГИТИСе. Здание и прежде не поражаало роскошеством интерьеров, но чтобы оно не отапливалось зимой — такого старожилы не припоминают даже в военные годы. В подобной ситуации лучше быть зрителем: все-таки можно оставаться в пальто. Но каково играть студентам, особенно в латных платьях, изображая при этом, что ты погибашь от летнего зноя? Какое напряжение воображения от них требуется!

НЕДАВНО со мной произошел курьезный случай. Мне понадобилось передать ноты, забытые на съемке, одному из самых знаменитых наших оперных певцов, гордости Большого театра, профессору, народному артисту СССР. Я знал, что он в этот момент должен находиться в Институте имени Гнесиных, который следом за ГИТИСом стал именоваться Музыкальной академией России.

Вхожу в здание на улице Воровского, спрашиваю у гардеробщицы, как мне найти педагога, а они смотрят на меня так, словно я обратился к ним по-китайски. Иду дальше.

Вход в Музыкальную академию охраняют два милиционера, словно это тюрьма или банк. Они, конечно, тоже никого не знают, но любезно предлагают воспользоваться внутренним телефоном, который, естественно, не отвечает.

И тут-то я замечаю, что совсем рядом находится библиотека, в которой обычно работают интеллигентные, милые люди, любящие и знающие и студентов, и педагогов, а главное — искусство. Правда, меня смутил какой-то странный, отнюдь не книжный запах, словно я входил не в нотное хранилище Музыкальной академии, а в запущенный пристанционный туалет. Здороваясь, прошу прощения за беспокойство и обращаюсь с просьбой разрешить мне оставить здесь ноты для профессора.

— Нет-нет, я никого не знаю. К тому же, сегодня дежурю я, а завтра — другой человек. С какой стати мы должны отвечать за ваши ноты?!

— Но ведь я ничего не беру у вас, а, напротив, прошу о любезности оставить ноты для педагога, которого я просто не могу сейчас найти. Позже я позвоню ему домой, и он сам с благодарностью зайдет к вам за ними.

— Нет, нет, нет!!!

Ну что ж, на нет и суда нет. Только я думаю, что при таких работниках в библиотеке вряд ли можно рассчитывать на то, что из подобного учебного заведения выйдут действительно образованные, культурные, воспитанные люди. А хамству необязательно учиться пять лет, его, к сожалению, и так хватает...

Выходит, прав был Жванецкий. Мы любим ссылаться на всевозможные объективные обстоятельства вместо того, чтобы однажды трезво взглянуть на себя со стороны и понять, что виноват во всем не только дядя, но и ты сам — твоя лень, необязательность, безответственность, алчность, элементарное бескультурье, озлобленность, простое жлобство.

Никакая Мельпомена нам не поможет, если мы не осознаем, что возрождение культуры немислимо без возрождения духовности и нравственности. Театр — одна из составляющих культуры, и потому он не может занять подобающее ему место в жизни общества, если сам не ощутит свою миссию.

Борис ПОЛЮРОВСКИЙ.